

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХАРАКТЕР РАННЕИБЕРИЙСКОГО ГОРОДА

*(VIII — первая половина IV в. до н. э.) **

Предлагаемая работа посвящена изучению вопроса о происхождении и характере иберийского города раннего периода его истории. Работа построена на археологическом материале как ведущем в современной испанистике типе источников по нашей теме. Избранный хронологический

* Статья представляет собой расширенный и углубленный вариант наших выступлений на конференциях: «Историчность и актуальность античной культуры» (ТГУ, Тбилиси, 1980) и «Античный полис-V» (ЛГУ, Ленинград, 1984). Пользуясь возможностью, приношу благодарность Л. М. Глускиной, Ю. Б. Циркину, Э. Д. Фролову и О. Д. Лордкипанидзе, принявшим участие в обсуждении и высказавшим полезные для меня соображения.

период можно разделить на два этапа: I — формирование предпосылок раннеиберийского урбанизма, в чем ведущую роль играли местные стимулы (750—600 гг. до н. э.), II — консолидация раннего урбанизма в двух его вариантах: местно-континентальном и прибрежном, окрашенном греко-пунийским влиянием (600—350 гг. до н. э.). Период развития в Иберии собственно города, совпавший с оформлением государственности и тесным образом связанный с карфагенской и впоследствии римской колонизацией, требует специального рассмотрения. К тому же для его изучения существуют наряду с археологией различные виды письменных источников, которые также требуют самостоятельного анализа. География иберийских поселений раннегородского типа естественным образом совпадает с зоной распространения иберийской культуры соответствующей эпохи и охватывает прибрежную полосу Юго-Восточной Испании и Юго-Западной Франции, включая Западный Лангедок, а на западе приближаясь к Ла Манче, долинам Арагона и Гарумны¹.

В зарубежной испанистике вплоть до середины 1960-х годов господствовала романоцентристская идея о возникновении иберийского города, признававшая его естественным следствием романизации Пиренейского полуострова. Наиболее последовательным проводником этой теории являлся известный немецкий испанист А. Шультен². Новый методологический и источниковедческий уровень историко-археологической науки 1960—1980-х годов дает возможность выяснения внутренних закономерностей и специфических черт процесса урбанизации и «накопления» и синтеза основных, структурообразующих элементов урбанизма. В испанистике этого периода основополагающими продолжают оставаться работы второй половины 1960-х годов А. Гарсиа-и-Бельидо и Х. Малукера де Мотеса³, поскольку ученые последующих десятилетий концентрируют свои усилия на расширении источниковой и прежде всего археологической базы исследования, проводя систематические раскопки и разведки иберийских поселений и их некрополей, публикуя материалы и предпринимая их систематизацию и типологизацию⁴.

А. Гарсиа-и-Бельидо исходит из идеи существования в древнейшем Средиземноморье двух типов городов — «естественных» и «запланированных», а также преобладающей роли городов первого типа. Крайний вариант естественно возникших городов исследуется автором на примере иберийского города, определяемого им как сообщество производителей,

¹ Основания для данной географии дают результаты археологического обследования этого региона, опубликованные в ряде сборников на рубеже 1970—1980-х годов: *Els pobles preromans del Pirineu*. Puigcerdà, 1978 (далее — PPP); *Els Orígens del món ibèric // Ampúries*. Barcelona, 1978. V. 36—38 (далее — OMI).

² *Schulten A.* Numantia. I—IV. В., 1912—1915; *idem.* Geografía y Etnografía de la Península Ibérica. I—II. Madrid, 1958—1960.

³ Синтез их представлений о древнеиберийском городе см.: *García y Bellido A.* Problemas sociales del urbanismo antiguo en el Mediterráneo. Madrid, 1970; *Maluquer de Motes J.* El impacto colonial griego y el comienzo de la vida urbana en Cataluña. Barcelona, 1966.

⁴ См., к примеру, такие ставшие классическими работы, как: *Tarradell M.* El País Valenciano del Neolítico a la Iberización. Valencia, 1962; *Almagro Gorbea M.* El Pozo Moro y la Formación de la cultura ibérica. Valencia, 1978; *idem.* El Bronce final y el período orientalizante en Extremadura. Madrid, 1977; *Llobregat Conesa E.* Contestania Ibérica. Alicante, 1974, а также конкретные исследования типа: *Arteaga O., Serna M. R.* Los Saladares. I // *NAH.* 1975. 3. P. 3 — 140; *Ginez V., Meseguer V.* El poblado ibérico de El Puig, Benicarló. Benicarló, 1976; *González Prats A.* Estudio arqueológico del poblamiento antiguo de la Sierra de Crevillente (Alicante). Alicante, 1983; см. также материалы ранее указанных сборников и сборник: *Arqueología del País Valenciano y su estorno geográfico. Panorama y perspectivas.* Elche, 1983.

которые являлись сельскохозяйственными и «промышленными» работниками одновременно. По его мнению, симбиоз «город-деревня» существует в Иберии вплоть до ее глубокого освоения римлянами, поскольку местные ремесла никогда не поднимались выше уровня домашних⁵. Думается, что при всей актуальности попытки А. Гарсиа-и-Бельидо реконструировать процесс урбанизации и выяснить социально-экономические аспекты урбанизма в древности им допущена важная с точки зрения методологии ошибка: пунктом отсчета им избрано капиталистическое хозяйство и все последствия древнего урбанизма сведены к выяснению вопроса о том, насколько античная экономика была близка к капиталистической. В ином случае ученый вел бы речь не столько о симбиозе «город-деревня», сколько о дихотомии «деревня — город». Так, самим подходом он отсекает перспективу в развитии иберийского города и тем самым лишил себя возможности его объективного изучения.

Во второй половине 1960-х годов появилась работа другого исследователя иберийского города Х. Малукера де Мотеса, позиция которого явствует из самого названия его монографии⁶. Прекрасный знаток доримской археологии Испании, он справедливо считает возможным удреветить иберийский урбанизм⁷. Однако, будучи сторонником теории аккумуляции, Х. Малукер впадает в крайность, объявив иберийский город продуктом деятельности греков, хотя в ряде конкретных работ сам же отмечает наличие крупных поселений городского типа еще для эпохи поздней иберийской бронзы⁸. Думается, что источник заблуждений автора также следует искать в неверности методологической позиции, поскольку он не вполне точно определяет сущность таких фундаментальных понятий древности, как город и государство, и в результате допускает отождествление первого со вторым.

В отечественной литературе избранная нами тема не изучалась, хотя проблема древнего города всегда находится в поле зрения советских специалистов — востоковедов, антиковедов и прежде всего археологов. Из последних работ хотелось бы выделить статью Ю. В. Андреева, в которой предпринимается попытка выяснения исходного для древнейшего города типа поселения⁹. Автор определяет его как «квазигород» — «земледельческое поселение (или, по сути дела, деревню), обладающее некоторыми чисто внешними признаками, которые сближают его с городом» (с. 7), и лишь с течением весьма продолжительного времени перерастающее в «протогород» (с. 5), т. е. в «поселение с ярко выраженными признаками экономического, политического и идеологического центра определенного округа, района или даже целого государства» (с. 10). Ю. В. Андреев относит эти формы к разным типологическим рядам: «квазигород» к первобытному не-городу, или «городу-деревне» (с. 5), а «протогород» — к собственно городу (с. 10), стремясь, таким образом, обосновать идею об эволюционном, а не скачкообразном (спиралевидном? — В. К.) характере процесса возникновения древнейшего города (с. 5). Принимая в целом конкретные характеристики форм, привлекших внимание исследователя,

⁵ *García y Bellido*. Op. cit. P. 19.

⁶ *Maluquer de Motes*. Op. cit.

⁷ *Ibid.* P. 23

⁸ См., к примеру: *Maluquer de Motes J.* Los pueblos Ibéricos // *Historia de España*. I. Barcelona, 1970. P. 213.

⁹ *Андреев Ю. В.* Ранние формы урбанизации // ВДИ. 1987. № 1. С. 3—18. Пользуясь приглашением редколлегии ВДИ принять участие в обсуждении данной статьи, остановимся на исследовании Ю. В. Андреева подробнее, чем того требует предпринимаемый нами историографический обзор.

позволим себе предложить иной исторический контекст функционирования этих форм. То поселение, которое Ю. В. Андреев называет «квазигородом», вероятно, вполне может сохранить и свое традиционное обозначение «деревня-города», *Stadtdorf*, т. е. деревни с элементами урбанизма, или урбанизированной деревни, так как *Stadtdorf* является, по нашему мнению, не «сдвоенным термином» — ибо по правилам немецкого словообразования «сдвоенность» на письме обозначается дефисом и в нашем случае это выглядело бы как *Dorf-Stadt*, а сложным словом, составленным из двух простых форм, смысловая нагрузка в котором в соответствии с правилами немецкой грамматики падает на вторую, фонетически ударную часть, в то время как первая имеет уточняющий характер, и переводящимся как «деревня, имеющая некие урбанистические черты»¹⁰. Из множества иных первобытных земледельческих поселений действительно именно «деревня-город» оказалась призванной дать жизнь городу, однако секрет особой продуктивности этого организма мы искали бы не в той по существу арифметической сумме социоэкологических причин, которые выделяются Ю. В. Андреевым (с. 8—9), а в возникшей по причине земельного голода именно у его жителей потребности развивать ремесла: добывающие (глину, металлы и т. д.) и строительные (в частности военно-инженерное, поскольку малый коллектив собственников мог противостоять внешнему врагу не количеством сочленов, как это имело место в земледельческих общинах, а скорее своими оборонительными сооружениями). Поэтому наиболее репрезентативными археологическими характеристиками данного вида поселения представляется целесообразным считать, наряду с выделенными Ю. В. Андреевым, следы ремесленной деятельности и наличие укреплений в любом из их вариантов — стен, убежищ, холма и т. п. (или комбинаций этих вариантов, допустим, по типу: холм + стена). Признание данных признаков в качестве определяющих позволит протянуть связующую нить к протогороду, который, развивая их и постепенно возвышаясь — в прямом и фигуральном смысле этого слова — над морем рядовых деревень, действительно приобретает со временем характер объединительного центра и даже подкрепит его созданием единого религиозного святилища. Сам процесс развития мы определили бы как прогрессивный, спиралевидный по своему характеру. Это противоречит мнению Ю. В. Андреева (с. 5), но, как кажется, объясняет механизм раннего этапа урбанизации, ибо эволюционность в развитии — это стадия медленных, незаметных и только количественных накоплений, в то время как развитие по спирали осуществляется в виде то вспыхивающей, то затухающей борьбы двух единств — непрерывности (= эволюционности) и прерывности (= скачка), дающей коренные качественные изменения предмета. И если признать основным качеством «квазигорода» и «протогорода» не-сельскохозяйственную деятельность, благодаря которой данная историческая категория является

¹⁰ Ср. толкование этого термина в работе Э. Эннен (*Ennen E. Frühgeschichte der europäischen Stadt. Bonn, 1953. S. 21 f.*), которую приводит в своей статье Ю. В. Андреев. Попутно заметим, что и другая форма, заимствованная Ю. В. Андреевым у этого же автора, — *Ackerburg* — переводилась бы нами не как синоним к *Stadtdorf*, а как «укрепление с пашней при нем». Она скорее всего должна рассматриваться как собирательное понятие, под которым — в зависимости от конкретно-исторического контекста — можно иметь в виду и укрепленную сельскохозяйственную усадьбу, и феодальный замок с принадлежащей ему пашней, когда речь идет об эпохе средневековья. В отечественной литературе о дихотомическом характере категории «деревня-город» говорит, в частности, Г. А. Кошелев (Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1980. № 1. С. 11), принимая ее как исходную в процессе формирования раннего греческого города.

таковой, то именно это качество и должно будет обновляться путем само-накопления и скачкообразного перехода в новое состояние — в собственно город, который станет действительно устойчивой полифункциональной формой территориальной консолидации гетерогенного населения, занятого прежде всего не в сфере сельскохозяйственного производства, и прямая предтеча которого, протогород, будет примыкать к нему гораздо ближе и, следовательно, отстоять гораздо дальше от «квазигорода», чем это представляется Ю. В. Андрееву (с. 9). Подводя итог своим рассуждениям, укажем, что традиционная характеристика механизма становления собственно города, известная для его разных вариантов благодаря работам В. М. Массона, И. М. Дьяконова, Е. М. Штаерман, Т. В. Блаватской, Г. А. Кошеленко и др.¹¹ и базирующаяся на скачке, подкрепляет сделанный еще Ф. Энгельсом вывод о том, что формирующийся город действительно как бы подводит «итоговую черту под многотысячелетним развитием первобытнообщинной формации»¹², и представляется вполне приемлемой и поныне. В то же время существует объективная необходимость в конкретном и последовательном изучении переходных форм, в своем развитии приведших к становлению собственно города. Эта необходимость делает исследование Ю. В. Андреева весьма своевременным и полезным.

Рост поселений, совершенствование хозяйственного опыта и навыков, прогресс в области средств производства, обусловленные внедрением железа (вторая четверть I тыс. до н. э.), приводят к расшатыванию родовой формы собственности и постепенному разложению родового коллектива земельных собственников. Археологическим выражением этого процесса служит появление в Иберии нового типа поселений. Прежде всего бросается в глаза их расположение в зонах концентрации ставших жизненно необходимыми металлов. Так, только для одного из двух традиционно выделяемых больших регионов «Восточная Андалузия — юго-восток Пиренейского полуострова» археологи фиксируют появление к концу VIII в. до н. э. (по хронологии М. Альмагро Горбеа, это праиберийский период¹³) около двух десятков относительно крупных поселений типа Лос Саладарес, Сьерра де Кревильенте, Серро дель Реаль и т. п., а для Каталонии и Леванта — более 60¹⁴. Очевидной является также их локализация в зоне прохождения основных дорог и, как правило, на небольших возвышенностях, господствовавших над долинами рек. Этот принцип был соблюден при основании по крайней мере 40% поселений Северной Иберии¹⁵. Обычным становится также расположение поселений в поле видимости друг друга, на склонах холмов, соседствовавших между собой либо разделявшихся небольшими долинами. Наш вывод особенно хорошо документируется археологическими материалами андалузской провинции Хаэн, известной своими запасами разнообразных руд. Эти руды служили тем магнитом,

¹¹ См., к примеру: *Массон В. М.* Типология древних городов и исторический процесс // Древние города. Л., 1977; *Дьяконов И. М.* Проблемы вавилонского города II тыс. // Древний Восток. Города и торговля (III—I тыс. до н. э.). Ереван, 1973; *Штаерман Е. М.* Эволюция античной формы собственности и античного города // ВВ. 1973. № 34; *Блаватская Т. В.* Ахейская Греция. М., 1963; *Кошеленко.* Полис и город...

¹² *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976. С. 147; ср. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 169.

¹³ *Almagro Gorbea.* El Bronce... P. 149.

¹⁴ См. соответственно: *Arteaga O.* Problemática general de la iberización en Andalucía Oriental y en el Sudeste de la Península // Ampurias. 1976—1978. 38—40. P. 45—48; *Pericot L.* El arte Ibérico // Historia de España. I. Barcelona, 1970. P. 238.

¹⁵ Цифровой материал подробнее см. в работе: *Maya González J. L.* Análisis de la situación anterior al establecimiento de la cultura ilergeta // Ampurias. 1976—1978. 38—40. P. 450.

который притягивал к себе иноземцев и окрестное туземное население. В зоне залегания руд рано возникли поселения, а к очагам их добычи протянулись дороги, всегда привязывавшиеся к водным — речным или морским — артериям. Одна из активно функционировавших дорог начиналась от мыса Гато (залив Альмерии), другая составляла испанский отрезок названной впоследствии римлянами *Via Heraklea*¹⁶, третья проходила по долине Гуалентина от Мурсии и т. д. О. Артеага указывает на наличие в эпоху поздней бронзы по крайней мере шести дорог, ведущих в Хаэн, для одного только юго-восточного региона Пиренейского полуострова¹⁷. На первой из них располагались такие раннеурбанистические центры, как Серро дель Райо, Пеньон де ла Рейна¹⁸, на второй — Серро дель Реаль¹⁹, на третьей — Эль Кастильяр²⁰ и т. д. Их топографию отражают данные археологами названия: Серро «холм, гора», Рейбон «скалистая гора, скала» и т. п.

Особого внимания заслуживает появление фортификаций. Сомнений в вопросе о времени их зарождения в Иберии у археологов обычно не возникает, так как, во-первых, их наиболее древние остатки расположены под собственно иберийским слоем и, во-вторых, в их развалинах встречается исключительно лепная керамика²¹. Так, в исследованном Ф. Хорда поселении Ла Балагера²² остатки стен находятся в слое, легко датирующемся концом VIII — началом VII в. до н. э. благодаря наличию в нем позднегалльштаттской керамики. Фортификация обычно представляла собой комбинацию двух элементов — скалы, заглубленной по периметру, и возведенной внутри на небольшом расстоянии от нее стены, к которой вплотную примыкали жилища²³. Нередко поселение обносывалось на небольшом плато, отделявшемся от долины цепью холмов. Фортификации типа Эль Макалона (слой IA VIII в. до н. э., по стратиграфии М. Альмагро Горбеа²⁴), по способу организации обороны называемого обычно крепостью²⁵, встречались нечасто. Расположенное на высоте 1250 м, это поселение было практически недосыгаемым с юга и запада, и поэтому его стена была возведена лишь в восточной части. Она была двойной и состояла из хорошо пригнанных друг к другу камней²⁶. К этому же времени относится наиболее ранняя стена североваленсийского поселения Беникарло (слой ПС, по стратиграфии его исследователей Ф. Гуси и Э. Саммарти²⁷),

¹⁶ Fletcher D., Pla E., Gil-Mascarelli M., Aranegui C. La iberización en el País Valenciano // *Ibid.* P. 84.

¹⁷ Arteaga, Op. cit. P. 46—47.

¹⁸ *Ibid.* P. 46. Not. 162—163.

¹⁹ Pellicer M., Schule W. El Cerro del Real, Galera (Granada) // EAE. 1966. 52. P. 12 sg. Заметим, что О. Артеага относит это поселение к числу наиболее репрезентативных в плане изучения проблемы эволюции иберийского протогорода в собственно город (Op. cit. P. 23).

²⁰ Это поселение подвергнуто в основном визуальному обследованию, однако и оно дало интересный материал: наряду с раннеиберийской лепной керамикой известна находка финикийского гончарного круга конца VIII в. до н. э. (Arteaga. Op. cit. P. 47. Not. 174).

²¹ *Almagro Gorbea*. El Bronce . . . P. 149.

²² Jordà Cerdà F. Los restos ibéricos de la Balaguera // AEA. 1955. P. 107 sg.

²³ Maya González. Análisis . . . P. 455.

²⁴ *Almagro Gorbea M.* La iberización de las zonas orientales de la Meseta // OMI. P. 115 sg.

²⁵ García Guinea M. Excavaciones estratigráficas en el poblado ibérico de El Macalón (Nerpio, Albacete) // RABM. 1960. 68. P. 711.

²⁶ *Almagro Gorbea*. La iberización . . . P. 115.

²⁷ Gusi Jener F., Sanmartí Grego E. Asentamientos indígenas preibéricos con materiales fenicio-púnicos en el área costera del Baix Maestrat // OMI. P. 364—366.

возведенная из больших каменных блоков, положенных насухо на плотно утрамбованный грунт.

О повышении уровня урбанизма свидетельствует рост территории поселений, хотя количество небольших поселков-хуторов, даже если они и располагались в географически выгодных местах (например, в долинах судоходных рек), не сокращается; в Северной Иберии сохраняются даже обитаемые пещеры. Растет количество жилых построек, что следует связывать с увеличением в них населения. Однако сами эти строения в большинстве остаются хижинными, имеют глинобитные или грубо выложенные из камня стены, каменный фундамент и крыши из ветвей, скреплявшихся обычно глиняным раствором и поддерживавшихся деревянными балками²⁸. В то же время наблюдается увеличение размеров жилищ, стены которых могут достигать теперь 5 м в длину. Примечательно появление вырубленных в скале под фундаментами хижин подвалов, использовавшихся для хранения излишков продукции и прежде всего зерна, обуглившиеся остатки которого обнаруживаются в большом количестве в толстостенных тинахах — кувшинах высотой до 1 м. Инвентарь жилищ крайне беден, но в него всегда входит набор ручных мельниц. Металлические изделия встречаются редко и характеризуются примитивизмом форм и техники изготовления. Клады весьма немногочисленны и скромны по составу²⁹. Социальный статус их «владельцев» определить трудно, но поскольку большую часть изделий составляют ювелирные украшения, можно считать, что либо происходил процесс расслоения населения либо, если эти люди принадлежали к так называемым бродячим ремесленникам, то видно стремление их к оседанию в поселениях, без чего осуществление таких операций, как плавка, штамповка и др., представляется затруднительным³⁰. Об этом же свидетельствуют находки непосредственно на территории поселений форм для плавки и изготовления топоров и иных инструментов³¹. Вплоть до конца эпохи бронзы керамика изготавливается вручную, однако разнообразие форм и орнамента отражает не только технологический прогресс, но и рост потребностей в керамических изделиях, которые используются как кухонная посуда, в качестве тары, входят в состав votивных даров, становятся необходимыми при совершении погребального обряда. Катализатором прогресса в керамическом производстве явилось введение гончарного круга финикийцами южноиспанских центров, совпавшее по времени с внедрением железа (750—675-е гг. до н. э.). Первая гончарная продукция на местном круге датируется VII в. до н. э. и свидетельствует об отделении гончарства от сельскохозяйственного производства. Судя по типологии и декору керамики этого времени, в Иберии быстро возникает множество самостоятельных мастерских. Этот факт дает основания считать, что мастерские не были сколь-либо значительными и основывались на труде гончаров, представлявших своего рода семейные династии. Первые мастера-ремесленники были так же бедны, как и остальные обитатели. Они ютились в хижинах и имели крайне ограниченные запросы: хоронили их с бедным, однотипным инвентарем. Не отличались богатством и торговцы, даже если они осуществляли регулярные операции с иноземцами, постав-

²⁸ Конкретные примеры см.: *Almagro Gorbea. La iberización . . .* P. 102; *Solier Y. La culture ibéro-languedocienne aux VI—V siècles // OMI. P. 227; Maya González. Análisis . . .* P. 454, 456.

²⁹ См., например, *Almagro Gorbea. La iberización. . .* P. 103 sg.

³⁰ Ср. *Almagro Gorbea. El Bronce . . .* P. 489, где поддерживается традиционная точка зрения о специалистах по золоту и другим металлам как о странствующих мастерах.

³¹ См. о них *Rauret A. M. La metalurgia del Bronce en la Península Ibérica durante la Edad del Hierro. Barcelona, 1976. P. 82, 85, 110, 124.*

ляя им металлоносное сырье в обмен на керамику высокого качества, ювелирные и другие изделия. Но фундамент социальной структуры поселений продолжали составлять земледельцы, целью которых оставалось «самостоятельное обеспечение своего существования и воспроизводство себя как членов общины»; появление относительного достатка еще не вытеснило эту цель³².

В условиях отсутствия письменной традиции особенно трудно выявляется этнический облик обитателей раннеиберийского города. Основным источником следует считать материалы туземных некрополей³³. Первое, что бросается в глаза при обращении к ним, это смена погребального обряда. К началу эпохи железа в Иберии повсеместно распространяется кремация. С учетом способа погребения и на основе анализа погребального инвентаря современная археология выделяет несколько самостоятельных этнокультурных зон. Если практиковался обычай неполного сжигания трупа, то обуглившиеся останки оборачивались тканью и закапывались в яму, прикрывавшуюся камнями, над ней иногда сооружались саркофаг или оградка из плохо обработанных каменных плит. Погребальный инвентарь включал набор лишь наиболее необходимых для «новой жизни» предметов. Такой способ погребения был широко распространен от Нижнего Арагона до южных окраин провинции Валенсия. Когда труп сжигали полностью, пепел собирали в урну, которая помещалась либо в простой яме, либо в яме под курганом. Для подкурганных погребений было характерно наличие урны с крышкой типа гальштатт, окружавшейся несколькими плитами с целью ее сохранения. В силу долговременности использования обоих типов погребения возникали соответственно поля погребальных урн и курганные поля, причем эти вторые, как считают испанские археологи, просуществовали недолго — до рубежа VIII—VII вв. до н. э.³⁴ По мнению М. Альмагро Горбеа, ранее всего обряд кремации проявляет себя на Месете и лишь впоследствии распространяется по всей приморской Иберии. Его колыбелью считается зона Уэльвы протоориентализирующего периода, получившая его в свою очередь в наследство от восточносредиземноморских народов³⁵. А. Гонсалес допускает влияние на его формирование «народов моря», осуществлявшееся якобы одновременно с влиянием запиренейских этносов Аквитании и Лангедока, для которых культура погребальных урн была естественной еще для эпохи бронзы II³⁶. Если принять эти конкретные выводы археологов, то становится очевидным, что результатом процесса формирования древнейшего, или праиберийского, этноса явилась амальгама туземного и иноземного элементов, причем окраску ей придавали пришельцы — из Европы и Восточного Средиземноморья. Думается, что в состав восточносредиземноморских народов входили не только «народы моря», но и обитатели Северной Сирии, принесшие в Южную Испанию еще до начала регулярной финикийской колонизации основы своей строительной техники, ряд металлургических навыков, новые религиозные идеи. Вероятно, их следует

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 467.

³³ Мы сознательно опускаем материалы из детских погребений, хотя они хорошо изучены (*Beltran Lloris M. Enteramientos infantiles en el poblado ibérico de la Romana (La Puebla de Híjar, Teruel)* // OMI. P. 307—315; там же литература), поскольку типологически они идентичны детским могильникам всего Западного Средиземноморья.

³⁴ *Almagro Gorbea M. Los campos de túmulos de Pajarroncillo (Cuenca). Aportación al estudio de los túmulos de la Península Ibérica* // EAE. 1973. 83. P. 103; *Maya González J. L. Las necrópolis tumulares iberdenses* // PPP. 1978. P. 78; *idem. Análisis* . . . P. 460

³⁵ *Almagro Gorbea. La iberización* . . . P. 104.

³⁶ *González Prats. Estudio arqueológico* . . . P. 270.

назвать протоориентализирующим этнокультурным элементом, подготовившим собственно ориентализирующий период истории Южной Испании, открытый финикийцами во второй половине VIII в. до н. э. Их влияние на туземцев осуществлялось не прямым, а опосредованным через тартесийскую культуру образом. Состав европейских пришельцев также не был однородным. К такому выводу можно прийти на основе сопоставления материалов погребального инвентаря³⁷. Видимо, этнически родственными следует считать носителей культуры погребальных урн большой зоны «Каталония — Валенсия — Ла Манча» и Западный Лангедок, освоивших перевалы Восточных Пиренеев. Маргинальные этносы Южной и Восточной Месеты развивали курганную культуру Аквитании, ассимилировавшую в эпоху раннего гальштатта некоторые элементы культуры Рейна и, возможно, Северо-Западной Швеции. Основным путем их проникновения пролегал через Центральные Пиренеи — в долину Эбро и вплоть до Аквитании³⁸. Решающую роль в завершении процесса этногенеза протоиберов и формирования истоков их протогородской культуры сыграли выходцы из Центральной Европы (Восточные Альпы), рано освоившие металлургию железа и включавшие изделия из него в состав погребального инвентаря. Основным проявлением их культурного влияния служит распространение мечей с «антенной» в воинских и иногда юношеских погребениях по восточным границам формирующегося иберийского мира. Их обоснование на Пиренейском полуострове отмечено появлением двух наиболее крупных локальных культур: Коготас-II в центральной и затем южной частях Месеты и Альто Халон — в верховьях Халона и Тахо.

Указанные характеристики модели раннего города Иберии позволяют сделать вывод о непрерывности как главной закономерности его возникновения и о дихотомии формирующегося раннего города и традиционной деревни как основном механизме этого процесса. VII век до н. э. при этом следует считать переломным, поскольку под влиянием внешних импульсов наблюдается синтез всех накопленных предшествующим развитием внутренних потенций, давший своим результатом город в собственном смысле³⁹. Заморские влияния становятся регулярными и особенно продуктивными после обоснования финикийцев на Ибиссе, а фокейцев — в зоне Лионского залива, когда были упрочены прямые контакты восточных и западных средиземноморцев. Интересы иноземцев, как и прежде, были направлены на рудные богатства Пиренейского полуострова и Аквитании, но достижение их в этот период было возможным лишь путем торговли с туземными центрами. Колонизация побережья этого времени может рассматриваться как второе из двух доступных средств приближения к рудному сырью.

Современная археология дает значительный материал для изучения основных социально-экономических, градостроительных и культурно-религиозных характеристик иберийского города II периода его ранней истории, который, по нашему мнению, вполне может соответствовать протогороду.

³⁷ Его описание см. в работе: *Almagro Gorbea. La iberización . . .* P. 105.

³⁸ Подробнее о нем и карту см. *González Prats. Estudio arqueológico . . .* P. 131—133; *Gil Mascarell M. Yacimientos ibéricos en la región Valenciana. Estudio del poblamiento. Tesis doct. Valencia, 1971.* P. 15.

³⁹ Под собственно городом мы понимаем особый общественный организм, возникший как результат процесса разделения труда в ремесленном производстве, роста профессионализма и специализации, ориентации на рынок, направленности этого процесса на становление частной формы собственности на основные средства производства. Непременным «атрибутом» города остается сельская округа.

Уровень развития экономики определяют теперь такие ремесленные производства, продукция которых обменивается на натуральный продукт, а впоследствии на деньги. Основным товаром продолжает выступать рудное сырье Уэльвы, Хаэна, Галисии, Аквитании. Не без влияния финикийцев иберы средиземноморского побережья усовершенствовали свою технологию железа, что позволило им поставлять на рынок не только полуфабрикаты, но и готовые металлоизделия. Распространение железа привело к чрезвычайно важному сдвигу в экономике иберийских протогородов; по характеру специализации отныне выделяются глубинные центры, занимающиеся прежде всего добычей руд и их первичной переработкой, и прибрежные, основной обязанностью которых становится перепродажа поставляемого из хинтерланда продукции. Являющееся традиционным деление иберийских протогородов по принципу их расположения в зонах современных испанских провинций⁴⁰ представляется устаревшим, не отражающим конкретно-исторической действительности, хотя на ранних стадиях археологического изучения иберийского города оно, вероятно, было единственно приемлемым. Если первая категория центров обнаруживает непрерывность культурного слоя и, следовательно, жизни поселения начиная с эпохи бронзы или даже энеолита, то вторые в большинстве своем возникают заново. В первую очередь это может быть отнесено к протогородам севера Старой Валенсии и Восточной Каталонии, особенно выгодно располагавшимся на путях циркуляции рудного сырья⁴¹. Связующим звеном выступали (при всей условности используемого нами термина) «предприбрежные», т. е. находившиеся в зоне между производящими и дистрибутивными, центры, развивавшие собственную металлообработку, гончарное производство и нередко ткачество с целью самостоятельного участия в последующем обмене. Этот тип протогородов Иберии включал наиболее автаркичные экономические системы, и, пожалуй, именно он, сочетавший производственную и непроизводственную сферы деятельности, явился особенно устойчивым и продуктивным в процессе формирования собственно города.

Для характеристики глубинных поселений типа Майлхак, Каркасон, Сигарральехо и др. остановимся на Колина де Лос Кемадос, подвергнутом специальному археологическому изучению в последние 20—25 лет⁴². Установлено, что это поселение возникло в эпоху развитой бронзы на холме высотой 15—20 м на правом берегу Среднего Гвадалквивира, т. е. к юго-западу от будущей римской колонии Кордовы. Вплоть до IX в. до н. э. его характеризует распространенная повсеместно в Южной Испании — Португалии темно-серая лощеная керамика высокого качества. От VIII в. до н. э. сохранился слой с круглой хижинной и большими керамическими сосудами — тинахами и горшками с горлышком в виде колокола, использовавшимися для хранения зерна и иных сельскохозяйственных продуктов. Особую важность имеют находки в этом же слое каменных молотков, фрагментов кварцита, содержащего медь, слитки меди и отходы от ее плавки в виде шлаков. Следы медно-бронзовой «индустрии» являются наиболее многочисленными именно в этом слое и могут свидетельствовать о зарож-

⁴⁰ См., к примеру, *Arribas A. Los iberos*. Madrid, 1978. P. 123—139; *Blázquez J. M. Pueblos ibéricos // Historia de España antigua*. I. Madrid, 1983. P. 157—162; *Llobregat Conesa*. Contestania . . . P. 62; *Tarradell*. El País Valenciano . . . P. 62—64, 71.

⁴¹ См. о них соответственно *Maya González*. Análisis . . . P. 449 sg; *Fletcher D. et alii*. La iberización . . . P. 78—79.

⁴² Общие результаты раскопок см.: *Marcos Pous A. Aportaciones a la localización y conocimiento de la Corduba prerromana // OMI*. P. 415—422. Свои выводы мы строим на основе приводимого в данной статье археологического материала.

дении еще в VIII в. до н. э. специализации поселения на металлургии. Основным видом продукции были слитки, поставлявшиеся на экспорт по Гвадалквивиру. Очень возможно, что со временем пунийцы основали здесь свою факторию, которая впоследствии переросла в форпост карфагенского господства в этом богатом регионе. Уже в VIII в. до н. э. Колина де Лос Кемадос превращается в наиболее значительный из всех известных для доримской Испании протогородской центр. Вполне вероятно, что руда поставлялась из соседнего поселения (совр. Трасьера), бывшего сугубо горняцким по своей структуре и давшего при раскопках большое количество керамики типа «Колина де Лос Кемадос». В VII в. до н. э. появляется керамика, изготовлявшаяся на быстро вращающемся гончарном круге и расписывавшаяся черными линиями по красному фону. В отдельных случаях, — видимо, под влиянием выходцев из Восточного Средиземноморья — фиксируется наличие широко распространенной в Эгее росписи в виде концентрически смыкающихся кругов. Основными типами керамики являются расписные горшки и сероглиняные блюда с тонкими стенками, но с утолщением изнутри по венчику. Сложную картину развития показывает слой VI в. до н. э., в котором обнаружены два наслаивающихся друг на друга жилища с прямоугольными основаниями, принадлежащие к разным, но сопредельным уровням столетия. Нижнее содержит два вида керамики — высококачественную ориентализирующую и посредственную, выполненную по местным образцам ориентализирующей керамики в туземных мастерских. В верхнем, более позднем жилище археологи выявили гончарную печь с керамикой переходного к собственно иберийскому стилю; в основном это тонкостенные блюда из серой и светлой пасты. В V и особенно IV в. до н. э. наряду с массой иберийской керамики присутствуют фрагменты аттических киликов, что можно интерпретировать как свидетельство торговых интересов афинян к этой зоне. В 500 м к западу от жилищ обнаружены остатки ранних оборонительных стен и раннепунийская керамика, а также грубо обработанный сосуд с ножкой в виде рюмки, украшенный простым ямочным орнаментом, который археологами определяется как кельтский⁴³. Не свидетельствует ли он о присутствии центральноевропейцев в этом поселении еще в раннеарханчский период? К такому выводу приводит и М. Гимбутас на основе изучения письменной традиции о кельтах⁴⁴. Руины стен и остатки круглых хижин и вьюстоек прослеживаются и дальше на расстоянии километра: не означает ли это, что поселение существовало в своих прежних больших размерах вплоть до начала романизации, но одновременно не свидетельствует ли о замедлении урбанизации, надолго сохранившей «приверженность» к строениям хижинного типа?

Еще более яркий пример прогресса протогорода являет Эль Кастильяр (пров. Аликанте), в отличие от Колина де Лос Кемадос специализировавшийся на гончарном производстве и торговле. Благодаря раскопкам поселения, начатым в 1976 г.⁴⁵, существует возможность составления общей схемы его развития. Оно возникает в середине эпохи бронзы как земляночное и полуземляночное поселение, но к середине VI в. до н. э. в нем появляется ряд прямоугольных в плане строений на каменном цоколе и со специальными помещениями для гончарных печей. Жилища были небольшими по размерам, всегда ориентированными своим входом на северо-

⁴³ Подробности см.: *Marcos Pous. Aportaciones . . .* P. 421.

⁴⁴ *Gimbutas M. Bronze Age Cultures in central and eastern Europe. L., 1965. P. 339.*

⁴⁵ Археологический материал известен из работы: *González Prats. Estudio arqueológico . . .* P. 3. Not. 4.

запад, демонстрируя тем самым зарождение линейно-уличной планировки. Стены были глинобитными или кирпичными, выложенными небрежно, но обязательно на фундаменте из камня, скрепленного глиной, и с нижним рядом крупных блоков — ортостатов. Дверными проемами обычно служили два вбитых в землю камня, а порог сооружался из мелкого камня. Крыша была плоской или иногда наклонной, на балочной основе. Интерьер домов нередко расписывался в красный цвет. В западном секторе раскопано здание с мегароном 10×2 м и с очагом. Сосуществовавшее с ним сооружение сохранило остатки водостока, представлявшего собой ряд каннел, выложенных параллельно основной стене. Различные размеры и планировка зданий, наличие мегарона и водостоков — все это очевидные признаки урбанизации поселения. О его оборонительных сооружениях говорить преждевременно, хотя от VI в. до н. э. сохранились куртины более массивных и лучше выложенных, нежели у обычных зданий, стен, которые делили город этого времени на несколько массивов-блоков. На восточной террасе выявлено строение, прошедшее два строительных периода в VII—V вв. до н. э. Помещение, относящееся ко второму периоду, околонуговое крупными каменными плитами, врытыми в землю, содержало четыре круглых и полукруглых в плане сооружения диаметром от 1,0 до 1,4 м. Наличие в них нескольких слоев обожженной глины вперемежку с фрагментами керамики и большой, чем это было принято для хлебных печей, диаметр, а также тенденция к его стандартизации по всему юго-востоку Пиренейского полуострова — все это позволяет, по нашему мнению, назвать эти сооружения гончарными печами. По соседству находилось большое помещение жилого типа, которое было воздвигнуто еще в начале VII в. до н. э. и просуществовало по крайней мере до 550—535 гг. Думается, что этот комплекс следует интерпретировать как гончарную мастерскую с жильем при ней. Поскольку для мастерской было выделено специальное помещение, тогда как в предшествующий период гончарные печи функционировали в едином с жильем здании, то можно заключить, что гончарное производство переросло рамки домашнего, став индустриальным, а Эль Кастельяр раннеберийского времени становится одним из центров по производству керамики, среди которой кружальная составляет 80—85% от общего количества. Ведущим типом являются большие амфоры диаметром до 0,45 м и высотой 0,65 м, изготавливавшиеся из светлой глины, одним из побочных эффектов обжига которой нередко служила сероглиняная прослойка, хотя температура в печи поднималась до 1000° . Производилось также много высококачественной сероглиняной керамики с блестящей поверхностью — столовой посуды и светильников. Найдено немало дорогостоящей чернолощеной и краснолаковой керамики. Наблюдается резкий рост количества расписной керамики. Если в первой четверти I тыс. до н. э. она не превышала 10%, а техника росписи была несовершенной⁴⁶, то теперь она легко конкурирует с сероглиняной лощеной и краснолаковой, получив распространение как в самом Эль Кастельяре, так и за его пределами. Можно думать, что расписные изделия котировались на местном рынке, так как известны даже их клады⁴⁷. Разнообразие типов, технологических приемов и орнаментики позволяет высказать предположение

⁴⁶ Ее подробное описание и таблицы см.: *González Prats. Estudio arqueológico . . .* P. 152—171, 230.

⁴⁷ См., к примеру: *Gil Mascarell M. Bronce final y Bronce tardío en el País Valenciano // MLAV. 1981. 1. P. 24.* Ряд амфор этого типа, датируемых рубежом VII—VI вв., обнаружен в Макалоне (*Almagro Gorbea. La iberización . . . P. 112*) и Вильярикосе (*Astruc M. La necrópolis de Villaricos // JM. 1951. 25. P. 71*),

о наличии на поселении не одной, а нескольких гончарных мастерских, имевших собственную ориентацию и, возможно, потребителей и принадлежавших отдельным семьям. О наличии частной собственности в протогороде VII—VI вв. свидетельствуют также надписи и граффити на керамике. К настоящему времени известна целая коллекция таких знаков, признающихся наиболее древними в Испании⁴⁸. На ранних амфорах чаще всего встречается клеймо мастера-гончара, наносившееся на необожженную поверхность в виде какого-либо значка на плечике, венчике, донышке или, реже, над ручкой. По своему характеру клейма наминают знаки финикийских гончаров, а не греческих, хотя и эти были не менее известны в западно-средиземноморском торговом мире. Если к тому же учесть факт близости типологии и технологии изготовления местных амфор к финикийским, то можно допустить вывод о прямом участии в их производстве выходцев из Тира (или их западных потомков), работавших в туземном городе и на местных сортах глины и изготавливавших продукцию на заказ. Наличие у них собственного клейма можно рассматривать как отражение процесса зарождения конкуренции в туземном мире на различные виды их керамических изделий. Граффити обычно встречаются на блюдах и представляют собой значок в виде крестика, интерпретируемый как TA южноберийского алфавита⁴⁹. Поскольку в пределах Эль Кастельяра аналогией ему служат знаки на столовой посуде из серебра, то во всех этих обозначениях следует видеть знаки собственности. Аналогичный способ ее маркировки известен для Меделлина VII в. до н. э. и раннего Карамбола⁵⁰. По простоте исполнения эти знаки всегда отличаются от надписей, оставившихся на своей собственности финикийцами — обитателями Эль Кастельяра или его посетителями⁵¹.

Изделий из бронзы VII — начала VI в. найдено мало. Это набор украшений (подвески, браслеты, фрагменты колец, бляшки), пинцеты-депиляторы, иглы, пряжки, колючки для конской сбруи, а также группа небольших стрелок⁵². Обнаружено несколько золотых предметов — бусин, состоящих из двух полых секций, соединенных небольшим шпильком. В жилом помещении выявлено четыре костяных пряслица, таган из терракоты, головка баранчика от второго таганка и несколько бусин из синей стекловидной пасты без орнамента, идентичных бусам из Аталайи (пров. Альгарве) и датирующихся рубежом VIII—VII вв.⁵³ Из предметов труда сохранились каменные пластины-зернотерки, тесло из хорошо отшлифованного камня и парные формы для штамповки металлических колец для конской упряжи. Впоследствии импорт из Восточного Средиземноморья

⁴⁸ *González Prats. Estudio arqueológico ...* P. 230 sg.

⁴⁹ *De Hoz J. La epigrafía prelatina meridional en Hispania // I Congreso de Lenguas y Culturas prerromanas de la Península Ibérica. Salamanca, 1976. P. 291 sg.*

⁵⁰ *Almagro Gorbea. El Bronce ...* P. 270 sg.; *Carriazo de Mata J. Tartessos y El Carabolo. Madrid, 1973. P. 646.*

⁵¹ Классификацию надписей см.: *González Prats. Estudio arqueológico... P. 231.*

⁵² *González Prats. Estudio arqueológico ...* P. 172—178.

⁵³ Литературу о других аналогиях см.: *González Prats. Estudio arqueológico... P. 138 sg.* Их распространение совпадает с западносредиземноморскими «оловянными» путями (*Lonis M., Taffanell J. et al. Le premier Age du Fer Languedocien. Bordinghera—Montpellier, 1960 (Les tumules). P. 379*) и связывается ныне с деятельностью не только финикийцев, но и греков (*González Prats. Estudio arqueológico... P. 138; Jehasse J. et L. La nécropole préromaine d'Aleria. 1960—1968 // Gallia. 1973. Suppl. XXV. P. 499*). Ж. и Л. Жеассе даже указывают на возможность их изготовления на Делосе, в то время как бусины с апотропейческим орнаментом продолжают считаться ими финикийскими (*Op. cit. P. 499*). А. Гонсалес, в свою очередь, более склоняется к тому, что их производили в Тироле (*Estudio arqueológico... P. 138*).

и Центральной Европы резко возрастает, а местное производство развивается по-прежнему медленно, за исключением, пожалуй, златокузнечества. В Эль Кастильяре известны диадемы из местного золота со сложно-чеканенным орнаментом, а также специальные инструменты и формы для его исполнения. Сохранилась серия местных бронзовых орудий и ряд предметов быта из железа. Местный по происхождению металл⁵⁴ и техника, характерная для финикийских торевтов, не исключают вывода А. Гонсалеса об участии финикийцев в становлении этого вида ремесленного производства⁵⁵. Скучность местных некерамических изделий служит дополнительным аргументом в пользу нашего вывода о ведущей роли гончарного ремесла в экономике Эль Кастильяра. Обработка металлов имела второстепенный характер и строилась в основном на привозном сырье. Торговля носила предметно-обусловленный характер, так как служила целям восполнения недостающих видов сырья и готовых изделий, а в обмен поставлялась сельскохозяйственная продукция; о стремлении более продавать ее, чем сберегать в подвалах, говорит рост амфорного производства в ущерб ранее широко практиковавшемуся изготовлению тинах и кувшинов. С учетом выгодности местоположения поселения на перекрестке больших и малых дорог его можно было бы назвать внутренним эмпорием иберов. Видимо, этим объясняется функционирование в его округе многочисленных малых деревень.

Интенсивное урбанистическое развитие Эль Кастильяра было прервано в последней трети VI в. до н. э., о чем свидетельствуют серия разрушений и пожаров на городище, находки ряда кладов и прекращение жизни практических на столетие. Возможно, что все это связывается с активизацией пунийцами своей деятельности не только в Южной Испании, но и в Западном Средиземноморье в целом, приведшей к угасанию Тартесса и ведущих южноиберийских центров, к резкому сокращению контактов иберов с греческим миром.

Прибрежных иберийских протогородов можно выделить немного. Вероятно, серьезные препятствия их появлению чинили финикийцы и греки, аккумулировавшие городскую жизнь в своих центрах путем создания системы колоний и факторий. Их наиболее значительным туземным контрагентом следует, по нашему мнению, считать Ульястрет⁵⁶, раскопки которого были начаты на рубеже 1940—1950-х годов, но до сих пор далеки до завершения⁵⁷.

Ульястрет долгое время признавался урбанистическим образованием греков и идентифицировался с Кипселей; основными аргументами служили аналогичная греческой техника фортификации и обилие аттической керамики, хотя все это известно лишь для IV в. до н. э. Прошедший к концу 1970-х годов пересмотр традиционной точки зрения зафиксирован теперь даже в работах общего характера⁵⁸. На месте классического Ульястрета первоначально, т. е. к 600-м годам, существовало два находившихся на расстоянии 900 м друг от друга поселения, наиболее ранним и развитым из которых было Илья де Рейна. Именно оно дает пример всех этапов естественного перерастания туземного центра в собственно город. От этого вре-

⁵⁴ Результаты соответствующих анализов, осуществленных Национальной лабораторией Мадрида см.: *González Prats. Estudio arqueológico...* P. 287—289.

⁵⁵ *Ibid.* P. 260 sg., 274.

⁵⁶ Возможно, что это относится и к Сагунту, который — подобно Ульястрету — был сильно эллинизован ко времени оформления собственно города.

⁵⁷ Подробнее см. *Arribas. Los iberos.* P. 127 sg.

⁵⁸ *Blázquez J. M. Pueblos Ibéricos // HEA. I. P. 162.*

мени сохранилась лишь керамика, входящая в гальштатскую группу полей погребальных урн Восточной Каталонии — Западного Лангедока и изготовленная вручную, но очень разнообразная по форме и декору. Проблемы стандартизации форм и технологии ее изготовления еще не существовало, а производство носило домашний характер. Поскольку ранняя керамика была распространена на большой территории, то можно предположить, что поселение изначально занимало значительную площадь, достигнув впоследствии 11 га⁵⁹, и что его застройка носила хаотичный характер. Дома имели собственный очаг, и одно такое сооружение на полу из плотно утрамбованной глины фиксируется в едином с ранней керамикой слое⁶⁰. Уже в это время (600—575 гг.) появляется импортная керамика — финикийские амфоры наиболее распространенного в Западном Средиземноморье типа⁶¹. Вторая фаза (575—550/540 гг.) жизни поселения представлена множеством керамики и единственным пока во всей провинции Ампурдан слитком железа. Доминирует лепной материал, развивающий традиции начала века, однако наблюдается также рост гончарной керамики, соотносящейся с лепной как 1 : 4 по сравнению с соотношением 1 : 9 предшествующего времени и являющейся в основном импортированной. Это ионийские кубки типа В2, сероглиняная керамика типа 2 и одна этруская амфора типа ЗА 2 из коричневой глины с черными вкраплениями и с плохо сохранившимся светло-кремовым ангобом⁶². Финикийский материал пока отсутствует. Такой состав керамики приводит к вполне однозначному выводу о росте товарного элемента в местной экономике, создавшей возможности реализации на рынке излишков сельскохозяйственной продукции и собственного амфорного производства. Основным партнером следует считать фокейскую Массалию, активно осуществлявшую в это время свои торговые операции на рынке Эмпориона и вытеснившую оттуда финикийцев. В торговле участвовали также этруски, чьи амфоры широко представлены в Эмпорионе⁶³.

В третьей фазе жизни поселения (550/540—525 гг.) основную массу его керамики составляет расписная иберийская, изготовленная на гончарном круге. Многочисленность находок, известная стандартизация форм, высокое качество, наличие декора и, главное, применение гончарного круга — все это свидетельства усложнения производства, разделения труда, специализации и кооперации, высокой степени профессионализма ремесленников-гончаров. К этому же времени достигает расцвета строительное дело, когда типичным становится многокомнатный дом с каменным фундаментом и кирпичными стенами, с плотно утрамбованным глиняным полом, в ряде случаев с расписанными стенами, а сами жилища группируются по блочному принципу. С запада поселение было защищено стеной, возведенной в циклопической кладке, традиционной для широкой зоны при-

⁵⁹ *Martín Ortega M. A. Ullastret. Guía de las excavaciones y su museo. Gerona, 1977. P. 3.*

⁶⁰ *Oliva M. Excavaciones arqueológicas en el yacimiento prerromano de Ullastret, Bajo Ampurdán (Gerona) // NAH. Arqueología IV. Madrid, 1976. P. 735 sg.; Martín Ortega M. A. Los orígenes de la iberización en la zona costera del nord-este de Cataluña // OMI. P. 188.*

⁶¹ *Martín Ortega M. A., Sanmartí E. Aportaciones de las excavaciones de la «Illa den Reinach» al conocimiento del fenómeno de la iberización en el norte de Cataluña // OMI. P. 442, 437. Fig. 10.*

⁶² *Ibid. P. 439. Fig. 7,6.*

⁶³ *Blázquez J. M. La colonización griega de la Península Ibérica en el cuadro de la colonización griega en Occidente // Simposio Internacional de colonizaciones. Barcelona, 1974. P. 69.*

режной Иберии. Из других ремесел следует указать на наличие горного дела и металлургии. Помимо каменоломни, обнаруженной на восточной окраине Ульястрета, об этом говорят находки фрагментов шлака и заготовок железных орудий, выявленных в весьма важном в этом плане погребении закрытого типа, которое датируется его первооткрывателями серединой VI в. до н. э.⁶⁴ Нет сомнений, что оно принадлежало ремесленнику-металлургу. Можно даже допустить, что он был не только мастером, но и владельцем мастерской, ибо его захоронение, вопреки норме, сопровождается богатым погребальным инвентарем, состоящим к тому же преимущественно из предметов импорта. С точки зрения этнической, умершего следует считать туземцем, поскольку захоронение осуществлено на основе местных традиций (кремации с сохранением негла в оссуарии, тризны с помещением одной амфоры с вином на могиле) и в погребальный инвентарь входит местная кружальная и лепная керамика. Высокого уровня достигло в Ульястрете и изготовление оружия, основные типы которого известны благодаря, правда, более поздним по времени, но многочисленным стандартным изображениям воинов-иберов в полной боевой выкладке. Значительный уровень развития ремесленного производства позволяет высказать предположение о наличии территориального размещения ремесел в иберийском протогороде, т. е. о формировании Керамикоса и тому подобных кварталов.

Для завершения характеристики иберийского протогорода представляется целесообразным специально остановиться на вопросе обмена и его организации. Если на первом этапе он осуществлялся на жизненно необходимые предметы потребления, то с течением времени по крайней мере часть продукта начинает производиться преднамеренно для нужд обмена. Что касается существа обмена, то он был организован по принципу «товар — товар», а позже — «товар — деньги — товар». Иными словами, речь должна идти о предметно-обусловленном обмене и торговле на рынке, так как, видимо, не случайно Тит Ливий говорит, что иберы вплоть до появления римлян выменивали у греков заморские товары на продукцию с собственных земель (Liv. XXXIV. 9). Очевидно, что в данном случае деньги как бы срастались, по К. Марксу, с одной, определенной формой товара, а именно, с основными продуктами питания⁶⁵. Особенно многочисленны археологические источники, свидетельствующие о характере обмена с чужеземцами — греками Малой Азии, Коринфа и Южной Италии, а также с этрусками и кельтами. Для подтверждения обратимся еще раз хотя бы к набору инвентаря из закрытого погребального комплекса Ульястрета. Одновременно заметим, что данное свидетельство можно использовать также для вывода о существовании внутренней торговли, ибо логично допустить, что содержащаяся в погребении ремесленника-металлурга кружальная керамика не им самим была изготовлена. Рынок оформляется в Ульястрете, и это находит впоследствии свое отражение в его урбанистике: для V—IV вв. археология фиксирует наличие площади с портиками и рядом лавок размером 10 × 7 м. Консолидации рынка способствует заинтересованность греков в торговом партнерстве с иберами. Тем самым они выступают в роли катализатора в развитии торговли и внедрении в обиход собственно денег. Картографирование монетных находок свидетельствует о том, что основные иберийские центры побережья рано узнали греческую монету, а на заключительной стадии II периода раз-

⁶⁴ Arribas A., Trias de Arribas G. Un interesante «hallazgo cerrado» en el yacimiento Ullastret // AEA. 1961. 34. P. 24—25.

⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 98—99.

вигия города в Иберии появляется местная монета, изготовлявшаяся в подражание драхме основного греческого центра Северо-Восточной Иберии — Эмпориона⁶⁶. Наличие торговых кладов из предметов импорта, обилие заморских изделий в быту и обиходе следует рассматривать как очевидные признаки роста благосостояния тех, кто был связан с торговой деятельностью, и об ускоренном процессе образования частной собственности. В то же время основная масса населения иберийского протогорода-II не принадлежала к зажиточным слоям. Этому выводу соответствует мысль Тита Ливия (I.8) о том, что в древности обитатели городов вообще имели низкое происхождение; жилища в большинстве своем были однотипными и скромными, как и погребения ремесленников-горожан.

Подводя итоги изучения II периода истории раннего иберийского города, отметим, что комплексное исследование его экономической системы показывает значительный прогресс в урбанизации, создавший необходимые предпосылки для следующего этапа, связанного с историей города в собственном смысле слова. Но даже в этот период горожане не порывают с занятиями сельским хозяйством, иначе античные авторы не говорили бы об обмене иберами продукции со своих земель на заморскую продукцию.

Начиная с середины IV в. до н. э. в Иберии повсеместно возникают укрепленные *oppida* — небольшие по территории поселения, располагавшиеся на холмах и осуществлявшие функции контроля над окружающими их долинами рек⁶⁷. Их оборонительный характер не способствовал перерастанию их в собственно города, которые концентрировали бы в своих руках наиболее доходные отрасли несельскохозяйственного производства и торговлю и служили бы центрами единения окружающих их иберийских племен. Однако сам факт их появления служит отражением далеко зашедшего в своем развитии процесса урбанизации, когда становится необходимым осуществление мер по охране частной собственности и институциализации власти. Иными словами, иберийский мир этого времени стоит на пороге создания собственной государственности. Следует отметить, что это было необходимо для выполнения тех задач, которые, как мы увидели ранее, становятся основными для экономической структуры протогорода IV в. до н. э., а именно: организации воспроизводства основного и прибавочного продукта, осуществления его обмена на рынке и контроля за его реализацией со стороны производителя. Таким образом, при изучении судеб иберийского города следует выявлять степень его участия в процессе становления государства: вопрос, который требует самостоятельного внимания. Говоря в общих чертах, для этого периода представляется возможным выделить три группы городов. Традиционный вариант являют глубинные центры, которые ко времени прихода римлян консолидируют под своей властью окрестные племена, сочетая формирующиеся органы своего управления с властью племенного вождя (Strabo. III. 4.8). Известно, что во время второй Пунической войны римляне, занятые борьбой с карфагенянами, были вынуждены считаться со стремлением иберов к самостоятельности

⁶⁶ Подробнее см.: *De Guadán A.* Numismática ibérica e íbero-romana. Madrid, 1969. P. 156. Из последних работ см. *Dominguez Monedero A. J.* Reinterpretación de los testimonios acerca de la presencia griega en el Sudeste peninsular y Levante en época arcaica // Homenaje a Luís Siret. Madrid, 1985. P. 606.

⁶⁷ Подробнее о них см.: *Arribas.* Los iberos. P. 119—121; *Blázquez.* Pueblos ibéricos... P. 157—162; *Almagro Gorbea.* La iberización ... P. 128. Поскольку этот период выходит за хронологические рамки нашей темы, то позволим себе ограничиться лишь выделением основных характеристик механизма формирования собственно города.

и вступали с ними в союзнические отношения. Впоследствии, в процессе романизации, римляне ограничились размещением в этих центрах своих гарнизонов либо, если те не противились, превращали их в опорные пункты своей политики. Другой вариант социально-политического прогресса протогорода дает Ульястрет, который, как показывает археология, с середины IV в. до н. э. активно переживает процесс оформления полисных отношений. Его явно греческий облик свидетельствует о том, что в этом процессе большую роль — если не сказать определяющую — играли греческие колонисты, получившие, несомненно, право на поселение в туземном центре. Они возвели внутреннюю стену укреплений по всем правилам своего фортификационного искусства, застроили город в соответствии с нормами ортогональной планировки, в его центральной части соорудили каменные дома с портиками и мощным двором с водосборными цистернами. Все это — элементы греческого города. В то же время на акрополе Ульястрета обнаружены остатки храма IV в. до н. э. в чисто иберийском стиле *in antis* с обилием туземных вотивных терракот. Рядом вскрыта самая большая в городе цистерна, обеспечивавшая храм водой. Контакт иберов с греками оказался в конечном счете губительным для города. К концу III в. до н. э. его экономика пришла в упадок, не выдержав, видимо, конкуренции с соседним Эмпорионом, а население покинуло его территорию. Так, проникновение греческой полисной структуры в местную городскую структуру, вероятно, не вполне вызревшую для ее ассимиляции, не просто замедлило развитие последней, но и привело ее к упадку. Третий тип города представляет Индика. Она также прошла путь от раннего города до собственно города и даже полиса в тесном соседстве и сотрудничестве с греческим Эмпорионом. Ко времени Катона оба центра разделялись только стеной⁶⁸. Однако их экономика не предполагала их автономного существования, ибо Эмпорион строил свое благополучие на посреднической торговле-эмпории, в то время как Индика, лишенная собственных выходов к какой-либо водной артерии, не могла обойтись без контактов со своим прямым соседом. Так, развитие городской структуры Индики продиктовало ей компромиссный вариант организации политической власти: она создает собственное правительство, но соглашается на политический контроль Эмпориона. Так мы интерпретировали бы определение Страбонам (III, 4, 8) Эмпориона (не Индики!) в качестве диполиса. Такое сращивание местной городской и полисной структуры с греческим полисом оказалось перспективным для иберийской Индики, ибо она длительное время просуществовала со статусом автономии. Однако количество аналогий ей в Иберии незначительно — Рода, Сагунт и их туземные города-«спутники». Одна из причин этого феномена — серьезного по глубине, но ограниченного по охвату территории греческого влияния на историю иберийского города — кроется, видимо, во всегда сложной международной ситуации в Западном Средиземноморье, где велась бесконечная борьба за господство между греками, пунийцами и впоследствии римлянами. Она сохраняла раздробленность иберов, препятствовала завершению урбанизации с переходом от городов к самостоятельным государствам.

В. И. Козловская

⁶⁸ Причем и стена, и калитка всегда хорошо охранялись, так как в городе бывали волнения (*Liv.* XXX.IV.9).

L'ORIGINE ET LE CARACTÈRE DE LA VILLE IBÉRIQUE
DE HAUTE ÉPOQUE

(VIIIe — première moitié du IVe ss. av. n. è.)

V. I. Kozlovskaja

S'appuyant sur le matériel archéologique, l'auteur étudie les problèmes de l'origine et du caractère de la ville ibérique de haute époque. La naissance de l'urbanisme en Ibérie apparaît comme étant le résultat logique du développement interne des sociétés indigènes qui, grâce à une variante approfondie de division sociale du travail entre les productions agricole et artisanale encore à l'âge du bronze, ont su transformer certains de leurs nombreux villages ordinaires de type agricole en des «villages-villes», puis, sur leur base, en «protovilles-1». L'évolution subséquente de l'urbanisme ibérique (VIe — 1re moitié du IVe ss. av. n. è.) fut conditionnée par l'influence d'étrangers: Phéniciens, Grecs, Celtes. Un degré différent de combinaison de ces influences a provoqué l'apparition des deux catégories principales de «protovilles-2»: le type continental européen, se spécialisant dans l'extraction de minerais et leur transformation primaire, et le type côtier dont le niveau de développement était déterminé par l'échelle de la vente de la production arrivant de l'arrière-pays. Si les établissements du premier type ont une couche culturelle continue et ont donc existé sans interruption depuis l'âge du bronze, voire plus rarement de l'Enéolithique, ceux du second renaissent en grande majorité et, vers le début de la colonisation romaine de l'Espagne, en sont presque à l'époque de genèse de l'Etat. Une place à part est occupée par les centres urbains intermédiaires. Ils furent particulièrement vivaces, leur économie ayant assimilé dans une mesure égale la production et la répartition des produits.